

УДК 821.111+802.0

АРХАИЗМЫ В “АНТИЧНОЙ” ПОЭЗИИ ДЖОНА КИТСА: ПЕРЕВОД И ТРАНСФОРМАЦИИ**Жужгина-Аллахвердян Т. Н.**

У статті розглядаються особливості функціонування граматичних архаїзмів в “античних” поемах англійського романтика Д. Кітса, а також особливості їх перекладу та лексико-граматичних трансформацій.

Ключові слова: романтизм, поема, архаїзми, переклад, граматичні трансформації, лексичні трансформації, синтаксичні трансформації.

В статье рассматриваются грамматические архаизмы в “античных” поэмах английского романтика Д. Китса, особенности их перевода и лексико-грамматических трансформаций.

Ключевые слова: романтизм, поэма, архаизмы, перевод, грамматические трансформации, лексические трансформации, синтаксические трансформации.

This article is devoted to grammatical archaisms in mythological poems by D. Keats, their translation, interpretation and lexical-grammatical transformation.

Key words: romanticism, poem, archaisms, translation, grammatical transformation, lexical transformation, syntactic transformation.

Последние полстолетия отмечены возросшим интересом читателей и литературоведов к творчеству выдающегося английского романтического поэта XIX в. Джона Китса [2; 6; 8; 9]. Особое внимание исследователей привлекают его произведения на античные сюжеты, в которых мифологическая архаика и эллинизмы соединились со средневековой символикой и аллегорикой [3, с. 206 – 276; 9]. Чтобы передать дух античной старины, Китс наследовал традицию английской поэзии XVI в. [7, с. 18–19]. Этим объясняется обилие архаизмов, устаревших форм, слов и выражений, сохранивших приметы высокого поэтического стиля, которые в XIX в. уже были за пределами разговорной речи. Если исходить из определения архаизмов как слов и словосочетаний, относящихся к разряду “пассивной (неупотребительной в настоящее время, но понятной носителям языка) лексики, к которому относятся слова, вышедшие из широкого бытового употребления, но сохраняющиеся в литературе как приметы высокого поэтического стиля” [7, с. 90], то очевидно, что при переводе поэзии, необходимо обратить особое внимание на архаизмы как важные структурно-стилевые и риторические элементы мифопоэтического текста.

Английские поэты первых десятилетий XIX в., в их числе П. Б. Шелли и Д. Г. Байрон, широко использовали устаревшие грамматические и стилистические формы, пиетизмы, историзмы, как в силу традиции, так и в своем стремлении сохранить исторический колорит и “дух” воспроизводимой эпохи. В поэмах Китса, относящихся к этому литературному периоду, в большом количестве встречаются грамматические архаизмы, во многом затрудняющие рецепцию мифопоэтических образов. Желание описывать “воображаемый мир” благоприятствовало склонности английского поэта-романтика “черпать слова и принципы словообразования из любых источников и применять их по своему более или менее субъективному вкусу” [6, с. 50]. Многочисленные устаревшие глагольные формы, встречающиеся в “античных” поэмах романтика, имеют преимущественно книжный характер и составляют определенную трудность не только для неподготовленного читателя, но и для переводчика, перед которым стоит задача в процессе культурного трансфера, подобрать такие эквиваленты перевода, которые не затрудняли бы понимание текста и не искажали его смысл. Перед современным переводчиком, справедливо замечает А. И. Иванова, “стоят задачи по возможности разделить долю репродукции и долю интерпретации в переводном художественном произведении при анализе, выделить и передать конкретные “знаки” индивидуального стиля оригинального автора, не

нарушая системы художественного единства" [2, с. 3]. Переводчики поэм "Эндимион" и "Ламия" задействовали весь арсенал адекватных приемов, с целью сохранения архаического поэтического стиля и романтической риторической патетики времен Э. Спенсера, Д. Мильтона, Т. Чаттертона и особенно В. Шекспира, имевшего большое влияние на английский литературный язык вплоть до XIX в. [10, с. 62–63].

В античных поэмах Китса одну из многочисленных групп представляют устаревшие глагольные формы 2 и 3 лица единственного числа с окончаниями *-(e)st, -(e)th*, в настоящем, прошедшем и будущем времени, восходящие к *Chaucer's English* [10, с. 44]. Глаголы с окончанием *-(e)th* широко использовались Шекспиром в его произведениях [10, с. 65]. Для создания выразительности Китс придавал большое значение архаическим окончаниям, возможно, следуя также за Чаттертоном, которого ставил на второе место среди поэтов после Шекспира.

В тексте "Эндимиона" [11, с. 106 – 216] и "Ламии" [11, с. 414 – 432] наиболее часто встречаются личные глагольные формы с окончаниями *-(e)st, -(e)th* от *to have, to do, to be* в тех же значениях, в которых они употребляются в современном английском языке:

- *hast* (2 лицо, в сочетании с устаревшим местоимением *thou*), *hath* (3 лицо), настоящее время, совр. *to have*:

*What mortal **hath** a prize...*

*"Too gentle Hermes, **hast** thou found the maid?"*

*...**hast** thou a symbol of her golden hair?*

*What promise **hast** thou faithful guarded since / The day of sacrifice?*

*...Too long, alas, **hast** thou starv'd on the ruth...*

***Hast** thou sinn'd in aught / Offensive to the heavenly powers?*

*... and **hath** set / Us young immortals, without any let...*

- *art*, устаревшая форма современного глагола *are* (от *to be*), употребляемая во 2 лице единственного числа настоящего времени с местоимением *thou*:

*Here thou **art!***

*Thou **art** a scholar, Lycius, and must know...*

*... and here thou **art!***

*Seeing thou **art** so gentle.*

*Of Cupids shun thee, too divine **art** thou...*

*How beautiful thou **art!***

***Art** thou now forested?*

*Thou **art** a wanderer, and thy presence here...*

- *dost* (2 лицо, ед. ч., в сочетании с *thou*), *doth* (3 лицо, ед.ч.), настоящее время, совр. *to do*:

*Wherefore **dost** thou start?*

*Wherefore **dost** thou start?*

*And through whole solemn hours **dost** sit...*

*What! **dost** thou move? **dost** kiss?*

*"Now thou **dost** taunt / So softly, Arethusa, that I think...*

*Where **dost** thou listen to the wide halloos / Of thy parted nymphs?*

*... thou **dost** taste / Freedom as none can taste it, nor **dost** waste ...*

*By one consuming flame: it **doth** immerse ...*

- *didst*, совр. *to do*, соответствовала 2 лицу единственного числа в прошедшем времени, встречается реже:

*For thou **didst** not hear the soft, lute-finger'd Muses chanting clear*

*Why **didst** thou hear her prayer?*

*Tell me thine ailment: tell me all amiss! – **didst***

*That time thou **didst** adorn, with amber studs...*

Следующую группу глагольных архаизмов составили устаревшие формы модальных глаголов и слов, сохранившие в современном английском языке те же функции, но звучащие по-новому, утратившие прежние окончания:

- *wilt* (совр. *will*), вспомогательный глагол будущего времени, соответствует 2 лицу единственного числа; *shalt* (совр. *shall* следует что-либо сделать), употреблялся во 2 лице единственного числа с модальным значением

обязательности, вспомогательный глагол при образовании будущего времени глагола:

*If thou **wilt**, as thou swearest, grant my boon! / Thou **shalt** behold her, Hermes, thou alone*

*Or thou **wilt** force me from this secrecy...*

*Endymion! one day thou **wilt** be blest...*

*Ah, thou **wilt** steal / Away from me again, indeed, indeed – / Thou **wilt** be gone away, and **wilt** not heed / My lonely madness.*

- *shouldst*, совр. *should*, для 2 лица единственного числа с модальным значением обязательности, вспомогательный глагол, употребляется при согласовании времен:

*That if thou **shouldst** fade thy memory will waste me to a shade...*

*and thou **shouldst** please / Thyself to choose the richest...*

*Thou **shouldst** mount up to with me.*

*And if I guess'd not so, the sunny beam / Thou **shouldst** mount up to with me.*

- *canst*, совр. *can*, для 2 лица единственного числа с модальным значением:

*Art thou way worn, or **canst** not further trace / The diamond path?*

*Who, that thou **canst** not be for ever here...*

Романтическим авторам, как утверждала Е. П. Клименко, был свойствен выбор глагола с “более энергичным смыслом” в связи с повышенной эмоциональностью их стихов, стремлением передать через них сильные переживания и чувства, яркие мысли и острые впечатления. Но эта тенденция менее типична для Китса, чем для Байрона [6, с. 144]. Потому у Китса немного архаических глагольных форм с “более энергичным смыслом”:

- *know'st* (совр. *to know* знать), для 2 лица единственного числа:

***Know'st** thou that man?*

- *vanishest* – совр. *to vanish* (исчезать), форма 2 лица единственного числа:

*Even as thou **vanishest** so I shall die.*

- *swearest* – совр. *to swear* клясться, форма 2 лица единственного числа:

*If thou wilt, as thou **swearest**, grant my boon!*

- *spake*, совр. *spoke* (от *speak*), глагол, соответствующий прошедшему времени:

*While yet he **spake** they had arrived before a pillar'd porch...*

*...and a colour grew / Upon his cheek, while thus he lifeful **spake**.*

*Thus **spake** he, and that moment felt endued...*

*Thus **spake** he: “Men of Latmos! shepherd bands!*

При трансфере глагольных архаизмов либо найдены соответствующие смыслу подлинника устаревшие формы, либо, за неимением таковых, использованы разнообразие грамматические и лексико-грамматические трансформации. Рассмотрим трансформации на примере двух переводов “Ламии”, выполненных С. Александровским [4, с. 331–358] и С. Сухаревым [5]:

*What **canst** thou say or do of charm enough to dull the nice remembrance of my home? / “**Thou canst not** ask me with thee here to roam / Что **сможешь** молвить или сделать ты, / Дабы забыла я свой горный дом? / О, не проси бродить с тобой вдвоем / В безрадостной глуши: сия страна Бессмертной благодати лишена”.*

С. Александровский сохранил старинную стилистику оригинала, благодаря введению в текст перевода глагольного архаизма “молвить”, а также устаревших слов “дабы”, “горный”, “сия”. Перевод С. Сухарева звучит современнее, т.к. архаизмы в нем опущены: “**В твоей ли власти** заменить мне дом, / Тоску умерить сладкую о нем? / **Как мне** бродить с тобою по долинам / Безрадостным, холодным и пустынным, / **Как мне** забыть бессмертия удел?”.

При переводе нижеследующего фрагмента сохранены архаическая стилистика и романтическая риторика, в первом случае благодаря грамматической трансформации (замена частей речи), во втором – лексико-семантической: “*And every word she **spake** entic'd him on to unperplex'd delight and pleasure known*” / “*И всяким **изреченным** женским словом манило юношу к **отрадам** новым*” (С. Александровский) // “*Он женщину, себе не веря сам, / **Зрел** пред собою – и мечтой влюбленной / Летел к восторгам, страстью окрыленный*” (С. Сухарев).

При переводе архаизма *spake* производятся лексико-грамматическая и семантическая трансформации, использованы замены, опущения и добавления: ... *but the words she spake / Came, as ...* / *исторгнутая гадом, речь* (С. Александровский) // *Отверзся зев змеи – но речи... звучали* (С. Сухарев); *thus the lone voice spake* переведено в одном случае как *глас изрек* (архаический эквивалент), в другом – *донесся... голос* (нейтральный оттенок).

Переводчики нашли лексико-грамматические соответствия архаическим формам глагола *to do*, используемым Китсом в “античных” поэмах в разных значениях, допуская при трансфере синтаксические замены и перестановки. Перевод архаических форм *dost, doth, didst* реализован с помощью лексико-грамматических замен с целью сохранения старинного поэтического стиля благодаря введению в текст русских архаических слов и выражений из других лексических полей. Опущение архаического слова часто влечет за собой лексико-синтаксические трансформации, как в данном случае: *Where she doth breathe!* // *Где нимфа?* (С. Александровский). Сосредоточившись на общем смысле, С. Александровский опустил при переводе часть строки, содержащей глагольный архаизм (“*she doth breathe!*”), что, в целом, не отразилось на стиле и смысле перевода. С. Сухарев перевел “*didst not hear*” (*не слышал*) деепричастием в отрицательной форме “*не внимая напевам Муз*”, а С. Александровский употребил устаревший глагол “соделать” в следующей поэтической конструкции: “*Тебя глухим соделал к пенью Муз*”. “*Lamia, what means this? Wherefore dost thou start?*” (“*Что означает это? Почему ты начала?*”) переведен пафосно, с заменой вопросительной интонации на восклицательную и опущением части текста: “*О Ламия! Да это не испуг ли?*”. В переводе С. Сухарева, более развернутом и стилистически более близком к оригиналу, осуществляется подобная синтаксическая трансформация: “*О Ламия, ответь же что-нибудь! Испугана ты чем?*”.

Перевод устаревшего глагола с сохранением архаической поэтической формы допускает синтаксические преобразования: ...*где она taum* свое *дыханье?* (С. Сухарев), а также использование синонимичного глагольного архаизма: “*Too gentle Hermes, hast thou found the maid?*” // *Признайся, Эрмий, – деву ты настиг?* (С. Александровский). При переводе этого фрагмента С. Сухарев заменяет архаизм глаголом с нейтральной стилистической окраской: “*Ты встретил деву, вестник благородный?*”. Мы видим, что лексико-грамматические и семантические замены архаизмов и другие необходимые структурно-текстуальные трансформации не искажают стиль оригинала при условии одновременной нейтрализации устаревшего глагола и компенсации смысла с помощью синтаксических перестановок и введения архаизмов на других участках текста. В данном примере архаизм употреблен не в прямой речи, а в словах автора: “*Bright planet, thou hast said, Return'd the snake..*” // *Ты сказал, о светлый бог, – Речем змея...* (С. Александровский). Старинный поэтический стиль сохраняется и в случае грамматической замены отдельных архаических форм, в частности, замены английского устаревшего сочетания *hast fit* (подходит, соответствует) причастием от русского архаического глагола “*нарекать*”: “*Hast any mortal name, / Fit appellation for this dazzling frame?*” // *Гостя неземная, / Как среди смертных ты наречена?* (С. Сухарев).

В следующем фрагменте пышный архаический стиль китсовского текста передан с помощью синтаксической замены и введения стилистически устаревшего “зваться”, компенсирующего употребленную английским поэтом архаическую форму глагола во втором лице единственного числа: *Sure some sweet name thou hast* // *Но как зовешься?* (С. Александровский).

В данном примере перевод архаической формы *hast* нейтральным глагольным выражением “*сумел... питать*” компенсируется введением архаического выражения “*в мире сиром*” и дополнительными семантическими трансформациями: *What taste of purer air hast thou to soothe "My essence?"* // *...увы – каким эфиром Чистейшим ты сумел бы в мире сиром / Питать меня?* (С. Александровский). В переводе С. Сухарева, в целом сохранившем архаический мифопоэтический стиль в данном фрагменте оригинального текста, произведена замена вопросительной интонации на восклицательную: *О бедный юноша, ты не вкушал нектара, светом горним не дышал!*

В следующем фрагменте наблюдаем компенсацию архаической лексики и стилистики – замену английской устаревшей грамматической формы русским архаическим глаголом *обрел*, в первом случае, и во втором – полную лексико-грамматическую трансформацию с использованием дополняющих текст архаических слов: *What mortal hath a prize, that other men / May be confounded and abash'd withal...// Такое Сокровище обрел, что о покое Мгновенно и навек забудут все, Узрев тебя во всей неслыханной красе (С. Александровский) // Никто не в силах редкий скрыть алмаз, / Пред замершей толпой не возгордится!* (С. Сухарев).

Удачным представляется перевод с заменой английского архаического словосочетания контекстуальным синонимом в виде глагольного архаизма “*возжаждется*”, компенсирующим английское выражение с включением грамматических архаизмов: *Possess whatever bliss thou canst devise // Владей, каким возжаждется, блаженством* (С. Сухарев).

В следующем предложении архаический глагол *canst*, передающий модальность и употребленный Д. Китсом дважды, в утвердительной и отрицательной формах, переведен С. Александровским сочетанием современного *сможешь* с архаизмом *молвить* (“*Что сможешь молвить*”). В переводе С. Сухарева архаизм опущен в лексически трансформированном вопросительном предложении: “*В твоей ли власти?*”.

Устаревшая сокращенная конструкция *Tis* соответствует современному обороту *it's (it is)*, который С. Александровский перевел архаизмом *се*, а С. Сухарев, осуществив стилистическую замену, – современным указательным словом *то*.

'Twas – форма прошедшего времени вышеупомянутой конструкции, которая в современном языке приняла форму *it was*. В нижеследующих примерах наблюдаем различные переводческие трансформации устаревших модальных глагольных форм:

- *Thou shalt behold her, Hermes, thou alone, / If thou wilt, as thou swearest, grant my boon! // И лишь перед тобой возникнет снова – Коль не нарушишь клятвенного слова!* (С. Александровский) // *Исполни свой обет, Гермес, – и ты / Узришь ее желанные черты!* (С. Сухарев).

- *let me breathe upon thy brow, and thou shalt see thy sweet nymph even now // Склонись: я на твою дохну главу – И ты увидишь нимфу наяву* (С. Александровский) // *Дыханием я твой овею лик / И нимфу ты увидишь в тот же миг* (С. Сухарев).

- *that if thou shouldst fade Thy memory will waste me to a shade // сгинешь, неземная? Ведь сгину сам, тебя припоминая!*

С. Александровский перевел условное предложение вопросом “*сгинешь, неземная?*” с последующим ответом: “*Ведь сгину сам, тебя припоминая!*”, используя при переводе компенсирующий русский архаический глагол *сгинуть* в двух личных формах.

В приведенных выше примерах архаизм *thou* (совр. *you*) в сочетании с рядом устаревших глагольных форм переведен в соответствии с нормами современной английской грамматики и правилами компенсации трансформируемого архаического текста, за исключением случаев, когда переводчик, в угоду лирическому смыслу изреченного, опустил архаизмы.

Из всего вышесказанного следует, что при переводе архаических грамматических форм с целью сохранения мифопоэтического содержания и романтического произведения, его общей стилистической тональности переводчики допускают необходимые стилистические и лексико-грамматические преобразования. При опущении трудных слов и оборотов, не рискуя отдалиться от перевода и изменить стиль оригинала, авторы переводов подбирают компенсирующие стиль подлинника глагольные формы и архаизмы из родного языка; заменяют архаизмы современными словами и оборотами, не искажающими смысл и не изменяющими, в целом, стилистику фразы; заменяют архаические глаголы современными глаголами и оборотами, сохраняя архаический поэтический стиль, благодаря компенсирующим лексико-грамматическим трансформациям, включающим архаизмы других лексических полей; используют различные приемы компенсации с целью привнесения в

перевод специфической архаической тональности при отсутствии эквивалентной формы, стремясь донести до читателя смысл романтического произведения, передать индивидуальный авторский стиль и стиль эпохи.

Литература

1. Английская поэзия в русских переводах.[сост. Алексеев М. П., Захаров В. В., Томашевский Б. Б.] – М.: Прогресс, 1981. – 687 с.
2. Иванова А. И. Проблема передачи индивидуального стиля в художественном переводе (на материале русских переводов поэзии Джона Китса): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 – “Сравнительно-историческое, типологическое, сопоставительное языкознание” / А. И. Иванова.– М.: МГУ, 2012. – 27 с.
3. Жужгина-Аллахвердян Т. Н. “Ламия” Джона Китса в русских переводах: романтическая мифопоэтика любви и магии и античный интертекст / Т. Н. Жужгина-Аллахвердян // Художественный перевод и сравнительное литературоведение. – М.: Флинта, Наука, 2013. – С. 206 – 276.
4. Китс Д. Стихотворения. Поэмы [Бессмертная библиотека] / Д. Китс – М.: Рипол классик, 1998. – 416 с.
5. Китс Д. Стихотворения: Ламия, Изабелла, Канун св. Агнесы и другие стихи / под ред Н. Я. Дьяконовой, Э. Л. Линецкой, С. Л. Сухарева [Литературные памятники]. – Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1986. – 399 с.
6. Клименко Е. И. Проблемы стиля в английской литературе первой трети XIX века / Е. И. Клименко. – М.: Изд-во ЛГУ, 1959. – 302 с.
7. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия / под ред. проф. А. П. Горкина. – М.: Росмэн, 2006. – 1680 с.
8. Подольская Г. Г. Поэзия Джона Китса в России: автореф. дисс. канд. филол. наук.: / Г. Г. Подольская – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1986. – 17 с.
9. Рыжова Т. С. Эллинизм в творчестве Гёльдерлина и Китса: автореф. дисс. канд. филол. наук./ Т. С. Рыжова. – Л.: ЛГУ, 1985. – 25 с.
10. Crystal D. The Cambridge encyclopedia of the english language. / D. Crystal– Cambridge university press, 1995. – 489 p.
11. Keats J. The Complete Poems. Edited by J. Barnard. Third edition. / J. Keats–Penguin books, 1988. – 754 p.